

В. И. Пржиленский

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Социально-философские и концептуально-теоретические основания исследования российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства

Резюме. В статье анализируется стратегия совершенствования системы российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства как сложный и многофакторный процесс, определяемый взаимодействием правоприменительных органов с обществом, его структурами и институтами, а также со структурами государственного управления различного уровня. В центре внимания оказываются возможности социальной философии, философской антропологии, юриспруденции, социологии, политологии и иных отраслей социогуманитарного знания сформировать концепцию развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства как междисциплинарную и многоуровневую теоретическую систему, имеющую фундаментальное значение при рассмотрении, объяснении и прогнозировании процессов и явлений в данной области. Отдельно рассматриваются различные подсистемы общества и сферы социальной жизни с точки зрения изменений в сфере выполнения этими подсистемами функций адаптации, целеполагания, интеграции и поддержания образца в условиях цифровой трансформации общества и государства, анализируются изменения, вызванные данной трансформацией. Фундаментальное значение придается теме вторжения цифровой реальности, ее структур и институтов в глубинные слои человеческой экзистенции и возможности защитить личность от подобных вторжений средствами правового регулирования систем «личность — культура» и «личность — общество». В статье отдельному анализу подвергаются социально-философские основания и методологические ориентиры исследования концептуального определения целей и средств российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; цифровизация; цифровая трансформация; социальная система; междисциплинарный подход; социальная философия; правовое регулирование; структурный функционализм; методологическая рефлексия; киберправо; социальные технологии

Для цитирования: Пржиленский В. И. Социально-философские и концептуально-теоретические основания исследования российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 107–116. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.107-116

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00830. URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00830/>.

Socio-Philosophical and Conceptual Theoretical Foundations of the Study of Russian Criminal Justice in the Context of Digital Transformation of Society and the State

Vladimir I. Przhilenskiy

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the strategy for improving the Russian criminal justice system in the context of the digital transformation of society and the state as a complex and multifactorial process determined by the interaction of law enforcement agencies with society, its structures and institutions, as well as with public administration structures at various levels. The paper focuses on the potential of social philosophy, philosophical anthropology, jurisprudence, sociology, political science and other branches of socio-humanitarian knowledge to form a conceptual foundation for the development of Russian criminal justice in the context of the digital transformation of society and the state as an interdisciplinary and multilevel theoretical system of fundamental importance in the consideration, explanation and prediction of processes and phenomena in this field. The paper separately considers various subsystems of society and spheres of social life from the point of view of changes in the sphere in which these subsystems perform the functions of adaptation, goal setting, integration and maintaining a pattern in the context of digital transformation of society and the state, and analyzes the changes caused by this transformation. Fundamental importance is attached to the topic of the intrusion of digital reality, its structures and institutions into the deepest layers of human existence and the possibility of protecting the individual from such intrusions by means of legal regulation of the «personality — culture» and «personality — society» systems. The paper provides a separate analysis of the socio-philosophical foundations and methodological guidelines for the study of the conceptual definition of the goals and means of Russian criminal justice in the context of the digital transformation of society and the state.

Keywords: criminal justice; digitalization; digital transformation; social system; interdisciplinary approach; social philosophy; legal regulation; structural functionalism; methodological reflection; cyber law; social technologies

Cite as: Przhilenskiy VI. Socio-Philosophical and Conceptual Theoretical Foundations of the Study of Russian Criminal Justice in the Context of Digital Transformation of Society and the State. *Lex Russica*. 2025;78(10):107-116. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.107-116

Acknowledgements. The study was funded by Russian Science Foundation grant No. 25-18-00830, <https://rscf.ru/project/25-18-00830/>.

Введение

Цифровизация, охватившая все сферы жизни человека и общества, поставила перед системой российского правосудия немало задач, решать которые приходится в условиях отсутствия достаточной теоретической проработки и дефицита времени. Вопреки принципу системности и несмотря на консервативность системы судопроизводства по уголовным делам, спонтанное, бессистемное и хаотическое применение электронных цифровых устройств на разных его этапах стало свершившимся фактом. Более того, обращение судей и следователей, оперативных работников и судебных экспертов к инфокоммуникационным технологиям было обусловлено необходимостью и носило, как правило, реактивный характер.

Вначале сотрудники правоохранительных органов, а затем и нормотворцы были вынуж-

дены реагировать, причем максимально оперативно, на растущее число и многообразие способов применения компьютеров для совершения преступлений. Кража денежных средств и вторжение в частную жизнь, торговля наркотиками и организация проституции, финансовые махинации и мошенничество, распространение текстов экстремистской направленности и призывы к преступлениям на почве расовой или религиозной ненависти — вот неполный перечень преступлений, совершаемых посредством использования инфокоммуникационных технологий.

Для раскрытия таких преступлений правоохранителям и нормотворцам понадобились новые компетенции, позволяющие отслеживать определенные действия в виртуальной среде, находить и идентифицировать электронные следы, определять намерения преступников еще до совершения ими преступлений или на

ранних этапах, наконец, заниматься их профилактикой. Овладение этими компетенциями — насущная задача для руководителей, рядовых работников суда, прокуратуры, следственного комитета и иных силовых спецслужб. Но умение жить и работать в новой цифровой среде требует не только адаптации к изменившимся внешним условиям, но и усилий по изменению этой среды, а также собственных структур, институтов, практик. В последнем случае речь идет о работе системного характера, когда изменению структур и институтов, механизмов и систем обеспечения их реализации предшествует перестройка на концептуальном уровне.

Новые понятия должны обеспечить как рациональность действий отдельных элементов системы правосудия, так и их взаимную согласованность. Последнее особенно трудно, ибо при организации нового режима функционирования требуется подготовить элементы системы правосудия к реализации всех основных системных эффектов, обеспечивающих существование социальных систем, их стабильность и воспроизводство. Речь идет о функциях интеграции, целеполагания, адаптации и латентности (поддержания образца). Без выполнения этих функций деятельность членов общества не может быть рассмотрена как деятельность в рамках единой социальной системы. Другими словами, в условиях цифровизации необходимо, чтобы ни интеграция, ни целеполагание, ни адаптация, ни латентность не утратили своего смыслопорождающего характера.

Теоретико-методологические основы исследования влияния цифровизации на жизнь человека и общества

Выбор теории и методологии исследования социальных контекстов цифровизации обусловлен прежде всего тем обстоятельством, что возникшая в середине XX в. кибернетика и общая теория систем как будто специально были разработаны для определения системных эффектов цифровизации. Появление первых электронно-вычислительных машин привело к распространению их моделей и схем на объяснение биологических и социальных явлений. Последнее было несложно, ибо столетием ранее общество стало исследоваться, объясняться и концептуализироваться с привлечением опыта, методо-

логии и терминологии активно развивавшейся науки о живом. Ламарк и Дарвин, Мендель и Морган, Пастер и Кох обеспечили биологию таким качеством и количеством методологических средств, что вызвали зависть у историков и юристов, астрономов и конструкторов. В этих условиях уподобление электронно-вычислительной машины управляемому социальному коллективу или биологическому организму было просто неизбежным. Вот почему для исследования причин, движущих сил, детерминирующих факторов и самых разнообразных последствий предпочтительна теория социальных систем, представленная работами Т. Парсонса, Ю. Хабермаса и Н. Лумана.

Автор наиболее проработанной теории социальных систем Т. Парсонс отмечал, что стержнем, на котором держится все общество, является нормативный порядок, то есть некая структура, составленная из норм, которым следуют индивиды, для того чтобы взаимодействовать друг с другом, вести коллективную жизнь, предотвращать конфликты и помогать друг другу. Содержанием порядка выступают ценности, позволяющие интерпретировать нормы и правила, наделять смыслом действия индивидов и коллективов. Именно соотносительность норм с ценностями придает им легитимность и значимость, без которых никакой социальный порядок не только не смог бы сохраниться, но даже не смог бы и возникнуть, потому что без них не могут быть сформулированы критерии принадлежности тех или иных индивидов к обществу. «Проблемы, связанные с “юрисдикцией” нормативной системы, — пишет Т. Парсонс, — могут сделать невозможным установление точного соответствия между статусом “подпадения” под нормативные предписания и статусом принадлежности к обществу, поскольку навязывание норм, по-видимому, неразрывно связано с контролем (например, через “полицейские функции”) за мерами, используемыми для поощрения и наказания людей, проживающих в пределах какой-либо территории. До тех пор, пока эти проблемы не приобретают критическую остроту, социальный коллектив и его подколлективы могут, когда это необходимо, действовать эффективно как единое целое»¹.

Данное понимание общества было получено путем соединения классического позитивизма, представленного именами О. Конта, Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, видевших идеал научности в

¹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis. 1993. № 2. С. 102.

современной им физике и биологии, с понимающей социологией М. Вебера, возникшей под влиянием неокантианского различения наук о природе и наук о духе. Т. Парсонс не стремился сформулировать законы развития общества, но надеялся понять механизмы функционирования социальных систем и подсистем. Именно поэтому данная концепция получила название структурного функционализма — в ней сильно влияние свершившегося в XX в. синтеза биологии и теории управления, приведшего к рождению науки кибернетики и общей теории систем.

Как и любая другая кибернетическая система, общество находится с внешней средой в процессе обмена энергией, веществом или информацией. Согласно концепции структурного функционализма у общества, как у любой метаболической системы, должна быть внешняя среда. Парадоксальным образом Т. Парсонс выстраивает структуру, в которой у общества оказываются сразу две внешние по отношению к нему окружающие среды: личность и культура. Культура выполняет функцию легитимации нормативного порядка, лежащего в основе социальной системы. Нормативный порядок позволяет не только представить в качестве законного действующий режим осуществления власти, но также дает действующему индивиду знание о том, что разрешено в данном обществе, а что запрещено. Не обращаясь к моральной рефлексии и анализу нравственных оснований, индивид понимает, что правильно всё то, что соответствует институтам и ценностям, из которых состоит данная культура.

Т. Парсонс специально подчеркивает, что одним из главных направлений эволюционного процесса в обществе становится рост независимости структур и институтов от условий их культурной легитимации, всё увеличивающаяся дифференциация социальных процессов и культурных ценностей, хотя место и роль социальных структур и институтов всегда определяется их отношением к высшей реальности, что не позволяет забыть о религиозном или квазирелигиозном характере конечной легитимации. Чем сложнее общество, тем больше дистанция между социальными и культурными структурами и институтами, а также тем большее число посредников — высокоспециальных структур — вовлечено в процесс легитимации. «Способ легитимации, — пишет Т. Парсонс, — в свою

очередь, основывается на религиозных ориентациях. Однако по мере того, как культурные системы становятся всё более дифференцированными, возрастает самостоятельная ценность и других культурных структур. Прежде всего это относится к искусству, особым образом связанному с автономией личности, и эмпирическому когнитивному знанию, становящемуся на высоком уровне развития наукой»². Таким образом, и религия, и искусство, и наука, будучи феноменами культуры, носителями определенных ценностей и источниками значимых смыслов, активно вовлекаются в легитимацию социальных структур и институтов. И если перед обществом стоит задача перестройки ее структур и институтов в ходе цифровизации, эти сложные связи не должны быть разрушены.

Вторая внешняя по отношению к социальной системе среда — личность — вызывает не меньше вопросов в связи с выявлением и описанием механизмов ее взаимодействия с обществом. Кибернетическое понимание иерархии подсистем состоит в наделении социальной системы наивысшим статусом, а личность располагается ниже, занимая положение между поведенческим организмом и физико-органической средой. Взаимоотношения между социальной системой и системой личности становятся проблемными с функциональной точки зрения, когда рассматриваются процессы усвоения, развития и утверждения мотивации участия, которая необходима при совершении социального действия. Данная мотивация должна быть адекватной и системе личности, и социальной системе, она должна присутствовать не только в самих действиях, добиться чего в реальной жизни практически невозможно, если она не присутствует уже на уровне образов социальных действий и взаимодействий.

И социальные системы вырабатывают механизмы поощрения и вознаграждения своих членов за следование указанным образцам, что создает условия для воспроизводимости этой системы через социализацию. Структурные функционалисты именно так называют один из важнейших процессов социальной интеграции, когда личность может превратиться в члена общества, то есть в элемент социальной системы. «Поскольку личность, — отмечает Т. Парсонс, — это определенным образом организованный в процессе обучения индивид, процесс социализации имеет решающее значение для

² Парсонс Т. Указ. соч. С. 103.

ее формирования и функционирования... Система родства требует некоторых постоянных нормативных установлений для ежедневной жизни, включающих как органические и психологические, так и социальные факторы. В силу этого она является зоной взаимопроникновения систем поведения, личности и социальной системы с одной стороны и физического окружения — с другой»³.

Главные вопросы, возникающие перед разработчиками концепции развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства, сводятся к вопросу о том, каковы должны быть стратегия и план адаптации юридических (прежде всего правоприменительных) структур и институтов к изменяющимся в процессе цифровизации социальным структурам и институтам. Из него вытекает еще один вопрос: надо ли учитывать социальные изменения при рассмотрении вопросов включения систем ИИ, методов больших данных, платформ и других электронных средств обработки информации в качестве отдельных или это сугубо технологические вопросы, не касающиеся сути юридического контекста совершенствования регулирования традиционных структур и институтов регулирования? От ответов на данные вопросы зависит и степень дифференциации машинного и человеческого аспектов цифровизации правосудия, а также процедурного и содержательно-го аспектов.

Влияние цифровизации на социальные структуры и институты

Нетрудно заметить, что цифровизация не может не вторгаться в деятельность всех без исключения элементов данных систем, преобразуя их как изнутри, так и снаружи. Естественным образом межиндивидуальное, внутригрупповое и межгрупповое взаимодействия также претерпят известные изменения. Учесть их на концептуальном уровне необходимо, как необходимо спрогнозировать последствия этого процесса, а также перспективы влияния на него посредством социальных технологий. Социальные технологии, предназначенные для реализации в сфере цифровой реальности, существенно отличаются от социальных технологий доцифровой эпохи. Цифровизированное общество и госу-

дарство позволяют более эффективно справляться с одними видами злоупотреблений, но вместе с тем оказываются значительно более уязвимы перед другими. Например, создание ЕГРН позволило значительно улучшить ситуацию с документооборотом, подтверждающим права на владение недвижимостью, но породило новый вид преступлений — продажу этой недвижимости со взломом аккаунтов владельцев и подделкой цифровых документов. То же самое происходит в финансовой сфере, где при помощи кражи личных данных происходят преступления в сфере банковских услуг, в частности в области кредитования. Кража физических денег и ценностей сменяется кражей денег с банковского счета, осуществляемой с использованием онлайн-кабинетов владельцев счетов.

Понятие социальных технологий традиционно относят к сфере теории и практики управления. В самом общем виде их можно определить как использование социологических, а также психологических, антропологических, религиозных и этнологических знаний в процессе управления. Само понятие технологии применяется здесь в том же смысле, в котором оно применяется в технических науках, то есть как знание, необходимое для изготовления тех или иных орудий, предметов, изделий. Так, можно говорить о технологии изготовления каменных топоров и литья бронзовых наконечников, технологии выращивания риса и расчета ширины корабельной палубы.

В индустриальную эру под технологиями понимают скорее знания, необходимые для налаживания мануфактурного или фабричного производства «одинаковых» изделий, то есть изделий, свойства которых предсказуемы и соответствуют определенному стандарту. В постиндустриальную эру понятие технологии распространяется уже на сферу управления целыми обществами, профессиональными коллективами и отдельными работниками. Постепенно воспользоваться преимуществами технологизации социального действия предлагают индивидам для раскрытия собственного потенциала и успешного его использования в процессе взаимодействия с другими людьми на межличностном уровне. Такой вид социальных технологий именуется сегодня коучинговыми технологиями, где межиндивидуальная интеракция может быть осуществлена с использованием психологических

³ Парсонс Т. Указ. соч. С. 104.

методов воздействия на собеседника начиная с гештальт-терапии и нейролингвистического программирования и заканчивая мягким гипнотическим воздействием.

Особый подход к пониманию социальных технологий можно встретить в работах Х. Новотны и Д. Теста, где рассматриваются три социальные технологии стандартизации, обеспечивающие адекватное отношение индивида к тем знаниям, которые дает в его распоряжение современная генетика и тем технологиям биологического преобразования человека, которые создаются с помощью данного знания. К числу таких социальных технологий (авторы называют их гуманитарными технологиями стандартизации) относят регулирование с помощью права, административное регулирование (*governance*), а также регулирование с помощью биоэтики⁴.

Одна из главных задач применения социальных технологий, таких как образование, воспитание или социализация, — выращивание людей, совместимых друг с другом, совместимых с обществом, совместимых с природой и т.п. Чем больше в жизни человека техники, тем больше сил приходится тратить на то, чтобы вырастить человека, совместимого с техникой, умеющего ею пользоваться, не попадающего в зависимость от нее, не становящегося ее жертвой и т.п. Поскольку использование техники может давать в руки пользователя конкурентные преимущества, то доступ к технике, успешное владение ею, умение создавать новую технику превращаются в средство выживания или даже доминирования над другими индивидами и народами.

Здесь возникает немало вопросов о том, насколько применение социальных технологий в процессе «цифровой» перестройки общества, его структур и институтов, в том числе и правоприменительных, совместимо с экзистенциальной сущностью человека, а также насколько идеалы и ценности гуманизма позволяют учесть эту опасность. Так, П. Д. Тищенко подвергает критике основанный на гуманистической идеологии биотехнологический конструктивизм, согласно которому в задачу человека входит самостоятельное определение смысла своего существования и его применение при выборе жизненных стратегий и ориентиров.

Еще в середине XX в. М. Хайдеггер и Ж. П. Сартр спорили о том, следует ли из экзистенциализма отказ от идеи Бога как Творца и достаточно ли научных знаний для покорения природы, в том числе и своей собственной. Другими словами, этот вопрос может звучать так: достаточно ли у человека знаний, силы и власти для того, чтобы переформатировать, трансформировать самого себя, свои биологическую, антропологическую, генетическую природу.

Подвергая критике биотехнологический конструктивизм, П. Д. Тищенко предлагает различать два принципиально разных способа самовоспроизведения человека. Первый он сравнивает с уходом или заботой, подобно тому, как ухаживает и заботится крестьянин о выращиваемом им урожае, а второй — с конструированием, когда ремесленник творит по своему замыслу из инертного материала нечто новое. Но можно ли человека рассматривать как своеобразный конструктор, задается риторическим вопросом российский исследователь. «Человек конструируемый, — пишет П. Д. Тищенко, — это тот идеальный образ или идеал, который выступает предпосылкой конструктивной деятельности, определяя принципиальные черты того, что конструирующий хотел бы сконструировать. Это теоретически осмысленный образ человека как феномена, т.е. как вещи для себя, как предмета преобразования»⁵.

Далее этот вопрос рассматривается в контексте отношения человек — машина, потому что по мере цифровизации общества и государства они всё больше будут напоминать машины и человеку для взаимодействия с ними также будет необходимо обрести некоторые «машинообразные» черты и качества. Так, известный тест А. Тьюринга заключался в том, что если человек в процессе коммуникации с компьютером, компьютерной программой или системой ИИ не видит отличия от своего же общения с другим человеком, то деятельность компьютера, компьютерной программы или системы ИИ можно приравнять к мышлению. «Сегодня, — пишет П. Д. Тищенко, — в массовой практике тестирования (типа ЕГЭ) эксперимент проводится с точностью до наоборот. Если программа узнает в школьнике «своего», не отличает его от другой

⁴ Nowotny H., Testa G. *Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press. 2010. P. 68.

⁵ Тищенко П. Д. Конструирование человека: идеалы и технологии // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22 : Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии : сборник науч. статей. М. : Изд-во Мос. гуманитар. ин-та, 2015. С. 45.

правильно работающей (отвечающей на вопросы) программы, то с точки зрения мегамашины общества этот школьник считается “образованным”, “мыслящим” человеком»⁶.

Таким образом, процесс создания человекоподобных (в пределах человекоподобных) машин неожиданно привел к появлению у людей машиноразмерных или машиноподобных качеств. Это обстоятельство нельзя оценивать негативно до тех пор, пока данные трансформации не затрагивают глубинные слои человеческой экзистенции и когда техническая целесообразность не ставится выше способности человека анализировать свое бытие (*own existence*) и окружающую действительность (*on their environment*), ощущать (*perceive*) несправедливость, избегать опасности, брать на себя ответственность, стремиться к сотрудничеству и давать нравственную оценку происходящему, на основе которой формируются этические принципы⁷.

Но социальные технологии, применяемые в процессе стандартизации навыков людей в общении с цифровыми системами, — это один из вариантов технологий взаимодействия индивидов с техносоциальными системами. И здесь проявляются некоторые интересные закономерности, которых нет при общении людей с обычной техникой. Техносоциальные системы лишь недавно попали в поле зрения исследователей, хотя именно они становятся объектом, а в некотором смысле и субъектом рассматриваемой нами цифровой трансформации общества и государства.

Одно из наиболее перспективных и стремительно развивающихся направлений применения социальных технологий в цифровизирующемся обществе в ряде стран Юго-Восточной Азии — составление социальных рейтингов. М. М. Назаров называет практику составления социальных рейтингов новым средством социального контроля. Социальные рейтинги составляются на основе интеграции самых разных данных, собранных со всех цифровых платформ сети Интернет, позволяют поощрять «позитивные» виды человеческой активности, регулируя доступ индивидов к социальным благам. По мнению российского социолога, эти инно-

вации имеют не только технологическую, но и социальную и даже экзистенциально-антропологическую составляющие.

За техническими инновациями следуют инновации социальные, последствия внедрения которых вызывают в обществе понятные опасения — формирование новых критериев социально одобряемого поведения будет иметь значение для всей социальной реальности. Практики контроля трансформируются в практики самоконтроля, потому что эффективная власть над обществом создается в процессе ее проникновения в структуры знания, без которых не работают такие ее механизмы, как тотальная поднадзорность, дисциплинирование и нормирование.

Значимым ориентиром при разработке и введении в эксплуатацию технологий социального рейтингования должны оставаться интересы человека, его права и достоинство. Недопустимо неоправданное вмешательство в глубинные слои человеческой экзистенции, также недопустимы нарушения социальной справедливости. «Результаты социальных траекторий, построенных на базе рейтингования, — отмечает М. М. Назаров, — могут ставить людей в неравное положение, тогда как изначально граждане обладают равными правами и возможностями. Проявления социальных ситуаций в реальной жизни оказываются значительно богаче и сложнее, нежели возможности алгоритмических процедур, лежащие в основе рейтингования»⁸. Вызывает дополнительную тревогу непрозрачность методологии составления алгоритмов, причастность к их созданию и эксплуатации достаточно узкого числа управленцев и программистов, их слабая подотчетность обществу.

Цифровизация и системные функции общества

Не может не вызывать интерес влияние цифровизации на способность социальной системы выполнять базовые функции: интеграцию, адаптацию, целеполагание и поддержание образца. Другими словами, каковы особенности перестройки общественной жизни в политическом,

⁶ Тищенко П. Д. Указ. соч. С. 47.

⁷ UNESCO. (2005). Акты Генеральной конференции, 33-я сессия, Париж, 3–21 октября 2005 г. Т. 1 : Резолюции // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000142825_rus.page=90.

⁸ Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация : монография. М. : ФНИСЦ РАН, 2024. С. 205.

экономическом, культурном и системном (социетальном) измерении? Как и следовало ожидать, в сфере функционирования политических структур и институтов происходят некоторые изменения, связанные с применением цифровых технологий, хотя преувеличивать их действие преждевременно. «Мы наблюдаем, — пишут В. К. Левашов и О. В. Гребняк, — лоскутную цифровизацию, отражающую сохраняющиеся тенденции неравномерного роста “цифрового государства”. Новейшие технологии воспринимаются больше на потребительском уровне, в то время как гражданская активность в Сети проявляется реже и преимущественно от оппозиционно настроенных категорий населения»⁹.

Авторы приводят данные социологических исследований, показывающие различное отношение респондентов к роли и месту цифровых технологий в социальной жизни современного российского общества. По мнению одной части опрошенных россиян, цифровое государство не должно сводиться к предоставлению услуг и снижению затрат на приобретение товаров. Сторонники этой точки зрения готовы сделать цифровое государство активным инструментом для организации социального и политического управления, проведения выборов, формирования коллективного мнения и т.п. Другая часть опрошенных относится к цифровому государству с опаской и даже выражает готовность отказаться от пользования гаджетами и иными цифровыми возможностями, чтобы снизить пугающий их цифровой контроль и другие негативные последствия технического прогресса. В эту же группу входят те респонденты, которые считают себя жертвами цифрового неравенства. Негативно оцениваются усилия тех, кто надеется активно заменять обычное образование на дистанционное, сохраняя офлайн как привилегию элиты. Но, несмотря на все разногласия, ни остановить, ни замедлить процессы цифровизации политической сферы никому из скептиков не удастся, а значит, и снизить способность подсистемы выполнять функцию целеполагания.

Экономическая цифровизация российского государства и общества изучена еще лучше, чем политическая. Она началась сразу же после появления в Российской Федерации сети

Интернет и развивалась стремительными темпами. Но по-настоящему о цифровизации экономики и бизнеса заговорили после появления таких методов анализа и обработки информации, как большие данные, искусственный интеллект, блокчейн. Именно тогда внедрение новых компьютерных технологий стало причиной трансформации структуры и содержания национальной экономики, ее интеграции в международные экономические структуры глобального и регионального уровня. Цифровая экономика стала порождением цифрового общества и государства, сформировалась целая платформа для основанной на айти-технологиях интеграции. «Значимым аспектом укрепления национальной безопасности России, — пишет Е. А. Жаркова, — выступает построение высокоэффективной цифровой среды в области экономики, охватывающей нормативное регулирование, информационную структуру, информационную безопасность, кадры и образование, сквозные технологии цифровой экономики»¹⁰. Как никогда необходимо создавать логистическую инфраструктуру, совершенствовать правовое регулирование экономических отношений, формировать условия для взаимодействия цифровой экономики с цифровым государством и цифровизированным обществом. Именно тогда цифровизированное российское общество сможет выполнять в новых условиях вторую системную функцию — функцию адаптации.

Третья важная функция — латентность, или поддержание образца — выполняется, в соответствии с концепцией структурного функционализма, подсистемой культуры. К. Шваб называет цифровизацию ключевым элементом «четвертой промышленной революции», отмечая возросшую роль культурных подсистем в процессе создания нового миропорядка. Благодаря внедрению новых технологий анализа и обработки информации индивиды оказались в ситуации, когда ряд прежних целей и ценностей нуждается в переформатировании, в «отвязке» от традиционной культурной среды, в добавлении к прежним этническим или конфессиональным идентичностям новых. «В прошлом, — пишет К. Шваб, — люди в наибольшей степени иденти-

⁹ Левашов В. К., Гребняк О. В. Цифровизация в повседневной и общественно-политической жизни российских граждан // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3. С. 105.

¹⁰ Жаркова Е. А. Цифровая экономика России в контексте развития глобальной цифровой экономики // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (15). С. 78.

фицировали себя и свою жизнь по определенной местности, этнической группе, конкретной культуре или даже языку. Возникшая вовлеченность в онлайн-взаимодействия и большая возможность соприкосновения с идеями других культур означает, что идентичность в настоящее время стала более многосторонней, чем прежде»¹¹. Другими словами, новая социальная технология приучает людей к осознанию себя в разных исторических, этноконфессиональных и социокультурных контекстах, то есть к управлению множественными идентичностями. Несмотря на определенную бескомпромиссность позиции немецкого исследователя, в его размышлениях есть рациональное зерно.

Таким образом, можно заключить, что цифровая трансформация общества и государства, происходящая во многом стихийно и носящая фрагментарный характер, требует совершенствования правового регулирования всех основных подсистем общества: политической, экономической, культурной. Это делает особенно актуальным интерес правоприменителей к процессам, обеспечивающим выполнение функции интеграции, находящимся в зоне ответственности всего общества, или, выражаясь социологически, в зоне ответственности всей социетальной системы.

Заключение

Концепция развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства может строиться на основе общей теории цифровой трансформации общества, которая в силу природы описываемого процесса может быть только междисциплинарной. Невозможно рассматривать формирующуюся область киберправа без средств и методов философской онтологии, философской эпистемологии, философской антропологии и в особенности социальной философии. Фило-

софский уровень анализа и методологической рефлексии не может и не должен оставаться без опоры на общенаучный и частнонаучный уровни изучения данного предмета — цифровой трансформации общества. Психологические, социологические, экономические, политологические и юридические средства и методы познания не только позволяют собрать эмпирический материал в определенной области индивидуального и коллективного опыта, но и создают условия для его рассмотрения под углом зрения своей собственной дисциплинарно организованной и предметно ориентированной науки. Но поскольку в реальной жизни всё это не существует по отдельности, социологические и психологические описания одного и того же явления не могут быть полными без их рассмотрения в юридической, экономической и политологической плоскости.

Таким образом, необходимо вспомнить простую истину, согласно которой общественные отношения носят объективный характер, а правовые нормы, призванные его регулировать, — это выделенные в этом отношении предметные описания объективного явления. Сегодня в рамках междисциплинарного подхода появились концепции сетевого права, киберправа и даже киберпространства, показывающие зависимость описания права в условиях цифровизации не только от других областей социального опыта, но и от особенностей собственно цифрового бытия. Так, в понятии киберправа отражается стремление представить его и как социальный феномен, и как юридический институт, и как процесс, имеющий административную, экономическую, культурную, ценностную и правовую составляющие. Именно так, в междисциплинарном ключе и в единстве философской, общенаучной и частнонаучной методологической рефлексии, должна быть построена концепция развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жаркова Е. А. Цифровая экономика России в контексте развития глобальной цифровой экономики // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (15). С. 69–79.

Левашов В. К., Гребняк О. В. Цифровизация в повседневной и общественно-политической жизни российских граждан // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3.

¹¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 66.

- Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis. 1993. № 2. С. 94–122.
- Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация : монография / Н. В. Березина, Н. М. Великая, О. В. Гребняк [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2024. 432 с.
- Тищенко П. Д. Конструирование человека: идеалы и технологии // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22 : Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии : сборник науч. статей. М. : Издательство Московского гуманитарного института, 2015. 224 с.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 138 с.
- Nowotny H., Testa G. Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2010.

REFERENCES

- Berezina NV, Velikaya NM, Grebnyak OV, et al. Russian society and the state: The foundations of sustainability and trends of change. Social and socio-political situation: A monograph. Ed. by V.K. Levashov. Moscow: FNISTS RAN Publ.; 2024. (In Russ.).
- Levashov VK, Grebnyak OV. Digitalization in the daily and socio-political life of Russian citizens. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]*. 2021;20(3). (In Russ.).
- Nowotny H, Testa G. Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age. Cambridge, Massachusetts: MIT Press; 2010.
- Parsons T. The concept of society: Components and their interrelations. *Thesis*. 1993;2:94-122. (In Russ.).
- Schwab K. The fourth industrial revolution. Moscow: Eksmo Publ.; 2016. (In Russ.).
- Tishchenko PD. Human engineering: Ideals and technologies. In: *Bioethics workbooks*. Issue 22: Philosophical analysis of human design projects: Ideals and technologies. Collection of scientific papers. Moscow: Publishing House of the Moscow Institute for the Humanities; 2015. (In Russ.).
- Zharkova EA. Russia's digital economy in the context of the development of the global digital economy. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: Gumanitarnye issledovaniya [The Siberian Transport University Bulletin. The Humanities Research]*. 2022;4(15):69-79. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
viprzhilenskij@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Przhilenskiy, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
viprzhilenskij@msal.ru

Материал поступил в редакцию 28 июня 2024 г.
Статья получена после рецензирования 10 августа 2025 г.
Принята к печати 15 сентября 2025 г.

Received 28.06.2024.
Revised 10.08.2025.
Accepted 15.09.2025.